

© Д.В. Громов

КТО БОИТСЯ “КЕРЧЕНСКОГО СТРЕЛКА”?: АКТИВИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ФОБИЙ ЧЕРЕЗ СЛУХИ И КВАЗИЭКСПЕРТНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Ключевые слова: скулшутинг, терроризм, страх, слухи, конспирология, моральная паника

Статья посвящена информационному резонансу, который вызвало массовое убийство в Керченском политехническом колледже 17 октября 2018 г. Многочисленные (не менее 80 сюжетов) панические интерпретации информации о преступлении отражают фобии, которые существовали в обществе на тот момент. На примере трагедии в Керчи видно, что моральная паника в цифровом обществе развивается по новым правилам. В процессы интерпретации события включается широкий круг акторов, в т.ч. являющихся бенефициарами этого обсуждения. Среди них журналисты – профессионалы и любители (блогеры), – заинтересованные в резонансе своих публикаций, политики и чиновники, продвигающие выгодные для себя идеи, пользователи интернета, осуществляющие специфическую онлайн-деятельность (флешмобы, розыгрыши, дискуссии в чатах и проч.), экспертное и квазиэкспертное сообщества и др.

17 октября 2018 г. 18-летний Владислав Росляков совершил в Керченском политехническом колледже массовое убийство учащихся и преподавателей. Росляковым было приведено в действие самодельное взрывное устройство, после чего он открыл огонь из помпового ружья. В результате было убито и умерло от ран 20 человек, еще около полусотни было госпитализировано. Завершив расстрел, Росляков покончил с собой.

С точки зрения общественной значимости публичные преступления с большим количеством жертв могут быть представлены как “концептуальные террористические спектакли с высокими концепциями” (Kellner 2004), они предполагают декларативность символического действия, трансляцию неких информационных посылов, будь то простое выражение раздражения и неприязни или же некоторые политические заявления (Capellan et al. 2019). Особенностью массового убийства в Керчи стало то, что убийца не оставил никакой информации, объясняющей, зачем он совершил преступление и какие мотивы им двигали. Он не делал никаких заявлений, не оставлял предсмертных записок; молодой человек был нелюдим, и никто из знавших его не смог вспомнить сколько-либо внятных слов, раскрывающих его мотивацию. Мало того, как выяснилось позже, Росляков постарался максимально уничтожить любые сведения о себе, например, стер содержимое электронных носителей информации, сжег фотографии, тетради, ноутбук. Молодой человек создал

Дмитрий Вячеславович Громов | <https://orcid.org/0000-0002-0443-8718> | gromovdv@mail.ru | д. и. н., ведущий научный сотрудник | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Исследование проведено при финансовой поддержке следующих организаций и грантов: РФФИ, <https://doi.org/10.13039/501100002261> [проект № 17-01-00362-ОГН-А]

Этнографическое обозрение. 2020. № 3. С. 38–53. <https://doi.org/10.31857/S086954150010047-1>

© Российская академия наук | © Институт этнологии и антропологии РАН
ISSN 0869-5415 | Индекс 70845 | <http://journal.iea.ras.ru>

яркое символическое высказывание, но дал слишком мало ключей, позволяющих “прочитать” его, чем вольно или невольно стимулировал большое количество интерпретаций. По нашим подсчетам, трагедия в Керчи породила не менее 80 сюжетов слухов и конспирологических высказываний.

На самом деле Росляков сделал “символическое заявление” о своих целях: он запланировал очевидные визуальные отсылки к аналогичному преступлению, совершенному 20 апреля 1999 г. в школе “Колумбайн” (США, шт. Колорадо) Э. Харрисом и Д. Клиболдом. И убийство “колумбайнеров”, и убийство, совершенное Росляковым, относятся к типу преступлений *school shooting* (букв. “школьная стрельба”) — массовым убийствам, совершаемым в учебных заведениях. Как правило, преступники-скулуштеры не мотивированы идеологически и не выдвигают каких-либо требований, их жестокость обусловлена причинами личностного характера, психологическими проблемами (*Capellan et al.* 2019: 817–820), такая мотивация, видимо, была исчерпывающей и для Рослякова, в идеологических заявлениях он не нуждался¹. Однако об этом можно судить уже сейчас, задним числом, а в первые часы и дни после трагедии общество выдвигало самые разные версии произошедшего.

Данная статья посвящена не самому преступлению и не его исполнителю, а тому информационному резонансу, который сопутствовал трагедии. Гипотеза, которой я придерживаюсь, сводится к следующему: активное продуцирование слухов и конспирологических теорий основывалось на фобиях, которые существуют в обществе, и затрагивало социальные группы, являющиеся носителями этих фобий. Распространение панических суждений — индикатор страхов, которые потенциально присутствуют в общественном сознании. Распространение информации во многих случаях происходит по схеме моральной паники.

В статье мы рассматриваем *интерпретации* произошедшего в Керченском политехническом колледже. Эти интерпретации возникают, во-первых, в виде слухов, во-вторых, в виде домыслов/теорий, основанных на “экспертных” высказываниях политиков, журналистов (в т.ч. блогеров), специалистов разных профилей и проч. Вариативность толкования трагедии основана на субъективности суждений, обусловленных интуицией, политической прагматикой, вольным прочтением усеченной информации, творческими устремлениями конспирологов и проч.

В данном случае предмет изучения находится на пересечении нескольких исследовательских направлений: анализа слухов, конспирологических теорий, моральных паник, эмоций и др. Как нам кажется, наиболее перспективно рассмотрение процессов интерпретации произошедшего с точки зрения накопленных наукой теоретических знаний о распространении слухов. Важнейшими для осмысления событий в Керчи представляются следующие положения:

1. Интенсивность распространения слухов, как и формирование панических интерпретаций в целом, определяется формулой, предложенной Г. Оллпортом и Л. Постманом, где в числителе — значимость информации, содержащейся в слухе, в знаменателе — возможность получить достоверную информацию о происходящих событиях; соответственно, чем выше значимость и ниже проверяемость и доступность информации, тем интенсивнее распространяются слухи (*Allport, Postman* 1947). Эпидемии слухов часто наблюдаются в периоды социальных катаклизмов (войн, революций, террора, радикальных реформ, стихийных бедствий и т.д.), это объясняется приведенной выше формулой: при высокой значимости происходящих событий, несущих опасность не только для благосостояния, но и для жизни, как правило, возникают ограничения на распространение значимой информации.

2. Слухи негативного содержания значительно преобладают над позитивными (*Knapp* 1944; *Rosnow et al.* 1988). Иначе говоря, именно страх и пессимизм, а не любопытство и оптимизм являются двигателями распространения непроверенной информации.

3. Помимо прагматических причин воспроизводства слухов (напр., необходимости разобраться в событии, выразить к нему отношение и др.), имеет значение и эстетическая составляющая; в числе сюжетов слухов значительная часть —

сообщения сенсационного характера, вызывающие интерес своей необычностью, будоражащие любопытство и поражающие воображение. Во всяком случае, опыт повседневных наблюдений свидетельствует, что пересказы слухов, скажем, о трагических происшествиях, нередко сопровождаются выражениями не только ужаса, сопереживания, печали, но и своеобразного восторга, упоения “интересной” новостью (Горбатов, Большаков 2015: 100).

4. Социальная среда, в которой происходит раздувание слухов, не гомогенна (Горбатов 2011). Как правило, можно выявить активных, более других заинтересованных в их циркуляции распространителей; в данном случае это либо носители фобий, либо представители групп, заинтересованных в тематике слухов. Панические слухи передаются в первую очередь между теми, кто уязвим для опасностей, затронутых в такого рода информации (см., напр.: Luna 2018). Люди склонны пересказывать услышанное “в случае, если передаваемое содержание совпадает с внутренней установкой адресата, готового поглотить и переработать очередную порцию важной, будоражащей, а потому нарушающей стабильное социальное состояние информации” (Осетрова 2011а: 171).

5. Природа слухов двойственна: с одной стороны, это фольклорное образование, отражающее общественное сознание и возникающее спонтанно; с другой — целенаправленно сформированный с политическими или коммерческими целями конструкт — чему в последние годы уделяется огромное внимание (Осетрова 2011б; Bordia, Di Fonzo 2004).

Согласно формуле Г. Оллпорта и Л. Постмана поводами для возникновения эпидемий слухов становятся сверхзначимые события. Трагедия в Керчи соответствует данному критерию: по данным опроса Левада-центра, пожар в торговом комплексе “Зимняя вишня” (Кемерово) и массовое убийство в Керченском колледже заняли пятое и шестое места в рейтинге наиболее важных событий 2018 г. (Левада 2018); оба эти события были связаны с гибелью детей, подростков и молодежи, а также с бурным распространением слухов и фейков. Надо добавить, что страх ожидания террористических актов и массовых убийств высок как за рубежом (Gallup 2019), так и в России (Левада 2017).

В ходе исследования проводился сравнительный анализ комментировавших трагедию в Керчи интернет-сообществ разной направленности: организовавшихся по территориальному принципу и настроенных на обсуждение специфических событий. К первым относились две группы из сети “ВКонтакте”, носящие одинаковые названия “Подслушано | Керчь” (далее — ПК1 и ПК2); здесь жители Керчи обсуждали актуальные городские вопросы. Ко вторым — ветки политического дискуссионного форума “Глобальная авантюра” (далее — ГА) и “9/11ТМ. Движение за истину” (далее — 9/11) конспирологической направленности. Авторам некоторых записей задавались уточняющие вопросы.

Паники первых дней

Взрыв бомбы, заложенной Росляковым, прозвучал 17 октября 2018 г. примерно в 11:40, а первое сообщение о произошедшем появилось на ПК2 в 12:16: “Взрыв в политехническом колледже, сейчас звонила дочь, плачет, много раненых, мы едем за ней” (ПК2 17.10.2018). Неопределенность ситуации привела к тому, что в последующие часы шел интенсивный обмен информацией и мнениями, причем это относилось не только к местным сообществам ПК1 и ПК2, но и к дискуссионно-конспирологическим ГА и

9/11 — они тоже подключились к обсуждению очень быстро, для чего были созданы специальные ветви форумов.

Первоначально СМИ сообщили, что в колледже взорвался бытовой газ (Утро.ru 2018), однако вскоре появились сведения о нападении, было сказано о предполагаемом преступнике; в сообществах выкладывалась информация о произошедшем из СМИ, социальных сетей, а также полученная лично.

Причиной неопределенности стали, помимо прочего, расхождения показаний очевидцев нападения. Например, в одном из телевизионных ток-шоу в ходе прямого включения трое учащихся колледжа дали три не совпадающих между собой ответа на вопрос, сколько взрывов они слышали (Время покажет 2018в). Присутствовавший в студии специалист — ветеран спецназа заверил, что такой разброс мнений свидетелей нормален, неопытные люди в экстремальной обстановке могут воспринимать происходящее неточно, в подобных ситуациях такое наблюдается постоянно. В интернете есть видеointerview с молодым человеком, раненым во время событий 17 октября: и спустя месяц он оставался уверен, что слышанная им стрельба велась из разных видов оружия и власти скрывают реальные факты (Magashow 2018); собственный опыт непосредственного участника событий оказывается для него значимее официальных заявлений и экспертных высказываний.

Вариативность поступающей информации и субъективность восприятия привели к тому, что сформировался ряд сюжетов, часть которых разрабатывалась и в последующие дни:

- в здании колледжа производилась стрельба из автоматического оружия, а не только из дробовика, как сообщалось официально; взрывов также было больше, чем сообщалось;

- нападающий был не один, действовала группа; некоторые очевидцы сообщали, что стрельба велась с разных точек и что видели 8–9 нападающих.

У получающих информацию возникало ощущение несоответствия произошедшего преступления и личности преступника: неопытный юноша из небогатой семьи, по их мнению, не смог бы подготовить и совершить взрыв, приобрести оружие и патроны, в короткое время убить 20 и ранить 50 человек. По публиковавшимся в СМИ отзывам однокурсников, Росляков был тихим, достаточно прилежным учеником, то что он оказался способен на убийство, казалась неожиданным. Если одни, рассуждая об этих несоответствиях, возлагали надежду на то, что все прояснит следствие, то другие создавали собственные объяснительные схемы. Наиболее популярная версия сводилась к тому, что Росляков действовал в составе группы, у него были кураторы, помогавшие в организации преступления, и соучастники.

Желание прояснить ситуацию приводило и к формированию более конкретизированных, хотя и получивших меньшее распространение слухов: Росляков начал стрелять еще по дороге в колледж, в целом убито около 100 человек, но власти это скрывают (вообще неоднократно появлялись сообщения о том, что погибших больше, чем заявляется); Росляков хотел расправиться со своей девушкой, но не нашел ее в колледже и начал убивать всех подряд (вариант: он предупредил некую девушку, к которой был равнодушен, чтобы она не приходила на учебу); убийство было вызвано тем, что готовилось отчисление Рослякова. Тревога и отрывочность поступающей информации приводили к сообщениям, что “по состоянию на 13:15 под завалами могут находиться от 10 до 15 человек” (ПК2 17.10.2018); до вечера считали, что в здании колледжа еще спрятавшиеся ученики или удерживаемые заложники. Активно обсуждалась сдача крови для пострадавших и опасность мошенничества, связанного с трагедией.

В интернете состояние неопределенности поддерживалось тем, что убитый Владислав Росляков якобы продолжал активность: как минимум, два ВК-аккаунта были приняты за аккаунт реального Рослякова. К концу дня ситуация прояснилась,

но количество посетителей страниц исчислялось десятками тысяч, возникли слухи, что информацию от имени молодого человека размещал его друг или сообщник.

Страх и недостаточность информации приводят к тому, что начинают интерпретироваться доступные сведения – в данном случае действия силовиков. 17 октября сохранение оцепления вокруг колледжа наводило на подозрения, что там еще что-то происходит. В последующие дни в городе отменялись занятия, к зданиям школ, колледжей и вузов стягивались подразделения силовиков, которые, помимо прочего, охраняли учебные заведения, – это рассматривалось как указание на возможность последующих терактов, которые якобы готовили сподвижники и последователи Рослякова. В частности, 19 октября прошла информация о том, что готовится взрыв в Морском техническом лицее. Несколько дней спустя поводом для панической интерпретации стал взрыв бытового газа, прогремевший в помещении одной из религиозных организаций Керчи: “Слава богу не садики не школы!!! он ненавидил религию из за мамы, поэтому они щас пойдут по церквям и религиозным зданиям, наблюдайте...” (ПК2 22.10.2018).

Современное информационное пространство позволило людям, живущим далеко от места происшествия, также подключиться к процессу интерпретации. Так, жительница Краснодара писала в “Фейсбуке”: “...в краевой больнице, где лежат тяжелораненные ребята, говорила с приезжающими их навестить <...> Один из мужчин <...> прямо сказал: я в десятом поколении здешний, а столько брехни слышу тут и по телефону от дружков, что думаю, может они в Керчи живут, а не я?”. Из комментария к конспирологическому высказыванию в керченском ВК-сообществе: “Керчане вполне себе в здравом уме. Тут режутся в основном иногородние, школото и укрозомби” (ПК2 22.10.2018).

Мы увидели поступательное снижение интереса к теме, подсчитав ежедневное количество просмотров постов о трагедии в ВК-сообществе ПК2: 17 октября 2018 г. оно составило 3903 тыс. просмотров, на один пост – 156 тыс. просмотров; 19 октября – 1980 тыс. и 44 тыс.; 22 октября – 407 тыс. и 31 тыс.; 31 октября – 31 тыс. и 15 тыс. просмотров соответственно.

“Разоблачения” после публикации материалов следствия

Дополнительным толчком к развитию конспирологических толкований стало появление в СМИ предварительных данных следствия. Собственно, первая информация появилась в день совершения преступления: в частности, в Сети были размещены фотографии Владислава Рослякова, перезаряжающего ружье, и его тела, лежащего на полу после самоубийства. В этот же день в керченских группах в “ВКонтакте” были высказаны многочисленные соображения, впоследствии активно разрабатывавшиеся конспирологически настроенными толкователями: на снимке убитый лежит, обнимая ружье, хотя оно должно было быть отброшено отдачей; несмотря на выстрел в голову, она кажется целой; с правой руки неудобно стрелять в левую часть головы; под правой лопаткой видна рана, которая воспринималась как след ножевого удара, и т.д. Объектом для скептических комментариев стали и опубликованные фотографии помещений колледжа; высказывалось мнение, что поражения стен и мебели не соответствует типу оружия, из которого стрелял Росляков. Новую волну обсуждения породила публикация видеозаписей с камер слежения, фиксировавших преступление.

Согласно схеме Г. Оллпорта и Л. Постмана, публикация материалов о ходе следствия должна повышать открытость информации и, соответственно, снижать неопределенность, уменьшать количество слухов. Возможно, в данном случае это и происходило, но очевидно и противоположное: люди, склонные к конспирологическим толкованиям, активно конструировали зону неопределенности, используя

фото- и видеозаписи. Так как на первом опубликованном снимке на трупе лежала книга, упавшая с полки, возникла версия, что книга была положена специально, чтобы скрыть ранение в живот (не укладываемое в официальную версию); утверждали, что фотограф выбрал ракурс, скрывающий разбитый выстрелом череп, — скептики указывали, что череп цел. Видеозаписи (по понятным соображениям) были опубликованы не полностью — на основании этого делался вывод, что за пределами показанного осталось что-то специально скрытое. Как указание на сокрытие информации расценивались самые разные моменты: сам факт оперативной публикации материалов, по мнению некоторых, был не чем иным, как пиар-ходом, призванным скрыть реальную суть преступления; удаление же записей из Сети тоже послужило поводом для конспирологических толкований.

Фото- и видеопубликации привели к волне многочисленных “разоблачений”, которые делали журналисты-любители (см., напр.: Kamikadzedead 2018; ICTV 2018; мн. др.). В “разоблачениях” продвигалась мысль о том, что за рамками записей остались тайные подробности: информация о подельниках Рослякова или обстоятельствах его гибели. Высказывалось также мнение, что записи вообще были постановочными. Обращало на себя внимание, что авторы “разоблачений” часто делали упор на собственный опыт использования огнестрельного оружия — подобные апелляции, как и упомянутые выше апелляции к личному опыту очевидцев, повышали весомость высказывания.

При анализе альтернативных версий становится понятно, что одна из причин их популярности — недоверие к российскому телевидению. Так, в целом пророссийски настроенный блогер, изложив альтернативную версию, писал:

Друзья, если кого-то не устраивает то, что мы даем видео с места, вы можете устроить голосование и писать прямо — нам НЕ НАДО знать ничего, кроме официальной версии. Нам НЕ НАДО слушать людей, которые это пережили, ближе — диктор на ТВ в вечерних новостях. Нам НАДО ждать официальную версию, нам ее озвучит Киселёв (*Шарий* 2018).

Поиск тайных виновных

Причины стрельбы в Керченском политехническом колледже обсуждались очень широко и на разных уровнях общества, но мы в данном случае остановимся только на суждениях, в которых ответственность за произошедшее возлагалась на некие внешние силы — группы, социально-политических акторов, социальные явления, — оказавшие формирующее воздействие на совершение преступления:

1. Компьютерные игры. Во всем мире идет дискуссия о влиянии на массовые убийства компьютерных игр, в частности, выполненных в жанре *shooter* (стрелялка), симулирующем собственно процесс боевого поиска жертв и их убийства (*Anderson* 2004). На фоне взвешенных аналитических высказываний появляются и алармистские заявления. Так, имело большой резонанс некомпетентное суждение о влиянии на события в Керчи игры *Dota 2* (*Memepedia* 2018). Компьютерные игры часто рассматриваются как часть более широкого контекста: заявляется о губительном влиянии на психику подростков интернета в целом и виртуальных социальных сетей в частности.

2. “Группы смерти”. В 2016–2017 гг. произошел мощный всплеск моральных паник, связанных с “группами смерти”, якобы подталкивающими детей и подростков к самоубийствам (Интернет и общество 2017). После событий в Керчи сюжет получил развитие; говорилось о трансформации “групп смерти”: если раньше кураторы подталкивали подростков к самоубийству, то теперь их “зомбируют” на убийство. К этому же ряду относится слух о том, что Росляков был членом некой секты, которая планировала теракты в 13 учебных заведениях.

3. Секта “Свидетели Иеговы”. Сообщение о том, что мать Рослякова состояла в этой секте, привело к появлению мнения, что убийство было инициировано ее членами. В качестве доказательств указывалось на то, что секта в 2017 г. была запрещена в России как экстремистская и что в Крыму она управлялась с территории Украины.

4. Внешние и внутренние враги России. Высказывалось мнение, что целью теракта является: ограничение деятельности России в Ливии (в этот день шли переговоры, на которых, как сообщалось, обсуждалось сотрудничество между странами); дискредитация России на мировой арене; провокация против Росгвардии как силы, сдерживающей “цветные революции” (как первая часть провокации рассматривался конфликт командующего Росгвардией В.В. Золотова и оппозиционного политика А.А. Навального в августе–сентябре 2018 г.); провоцирование русофобии (для постановки преступления был подобран светловолосый юноша с русской фамилией) и др. Высказывались следующие мнения: нападение совершено исламистами (в частности, ИГИЛ, “Хизб ут-Тахрир аль-Ислами”), организовано израильскими спецслужбами; агрессивность Рослякова обусловлена якобы свойственной ему гомосексуальностью; Росляков на самом деле противодействовал нападению террористов, взяв оружие в кабинете начальной военной подготовки; цель теракта, организованного извне, – проверить способность России и ее населения к самозащите; почитание Рослякова организовано западными спецслужбами и является элементом психологической войны и др.

Примером могут служить возникновение и последующая трансформация версии о причастности к убийству крымских татар. Эта версия появилась в первые же часы: 17 апреля 2018 г. в 14:23 интернет-издание Lenta.ru опубликовало со ссылкой на правоохранительные органы Крыма сообщение о внешности убийцы, где говорилось в т.ч., что он “похож на татарина” (Кларка 2018). Эта деталь вызвала широкий резонанс среди российских татар, в частности раздраженное заявление было сделано московской крымско-татарской общиной (Реальное 2018); очень скоро упоминание о татарской внешности было убрано из публикации. Стоит отметить, что керченские ВК-сообщества не уделили этим слухам никакого внимания, выказав низкий уровень антиатарских настроений². Зато сообщение широко обсуждалось среди антироссийски настроенных крымских татар, проживающих на Украине, их усилиями интерпретация произошедшего вышла на новый уровень – была сформирована конспирологическая гипотеза: «Похоже, Кремль принял решение об окончательном решении крымскотатарского вопроса». До оккупации Крыма здесь никогда не было терактов. Что и требовалось доказать» (Гордон 2018). Глава ЦИК Курултая крымско-татарского народа Заир Смедля заявил:

Для того чтобы начать массовые репрессии против крымских татар, давно готовили почву называя их экстремистами и террористами, теперь им нужен теракт в котором обвинят крымских татар! Не исключено, что молниеносно найдут “виновных и организаторов” с планами проведения и других терактов и получат звёздочки и премии за раскрытие коварного плана татаробендеровцев (Кларка 2018).

Среди конспирологических толкований трагедии в Керчи, помимо прочего, присутствует версия, которую активно разрабатывают посетители сайта “9/11ТМ. Движение за истину”: они считают, что трагические события, происходящие по всему миру (теракты, техногенные катастрофы, вооруженные конфликты и т.д.), являются срежиссированными частями “глобальной постановки”, производимой некими могущественными силами. В описаниях событий участники форума ищут и находят следы этой “постановочности” (9/11).

В комментариях всплывают и сюжеты городских легенд, в частности о “черных трансплантологах” (Панченко 2014), провоцирующих конфликты с целью изъятия внутренних органов:

Показали нам театральное действо с актерами из массовки, вбросили поддельные списки погибших, поддельные приказы о зачислении учащихся, поддельные списки преподавателей. А реальных ребят – учащихся перед началом шухера вывезли автобусами и использовали как биоматериал. Ждите повторения подобных историй – трансплантология на службе у мутантов (Большой 2018).

Оппозиционные фобии

Традиционно фигурантами панических слухов являются госорганы и их представители, деятельность которых активно интерпретируется всеми заинтересованными сторонами. Распространение слухов – одна из форм критики власти, скрытого сопротивления ей (Scott 1990: 19). Граждане, настроенные критически по отношению к власти, охотно создают конспирологические суждения и поддерживают их распространение. В связи с массовым убийством в Керченском политехническом колледже были зафиксированы следующие сюжеты:

1. Заказчиком, организатором и исполнителем преступления были ФСБ или другие российские спецслужбы; акция была необходима для решения неких политических или организационных задач.

2. Преступление совершено для того, чтобы отвлечь внимание от неких событий (неудач во внешней и внутренней политике действующего российского руководства, перестановок в руководстве Крыма и др.). Например, в первый же день высказывалось мнение, что преступление должно было отвлечь внимание от начавшегося 17 апреля 2018 г. в 12:00 заседания ЦИК РФ, на котором обсуждался вопрос о референдуме против пенсионной реформы (ПК1).

3. Преступление организовано для того, чтобы совершить некие политические шаги, обусловленные террористической угрозой: повисить рейтинг В.В. Путина как борца с этим злом (сравнивается с ростом его популярности в ходе второй чеченской войны); наладить отношения с США на основе общих действий в отношении школьного насилия. Переквалификация преступления из теракта в массовое убийство вызвала подозрение, что власти что-то скрывают и хотят избежать политического резонанса.

4. Теракт совершен для того, чтобы ввести некие репрессивные меры (ужесточить контроль в интернете, в частности, принять новые законы; усилить надзор за оборотом огнестрельного оружия; повисить общественную и политическую агрессивность в отношении Украины; начать (продолжить) репрессии на Кавказе, против ИГИЛ и др.; активизировать войну в Сирии; сделать Керчь закрытым городом и т.п.). В качестве причины таких тревог комментаторы отмечают склонность российских властей к запретительным мерам: “Сейчас наши любимые слуги народа начнут все запрещать. Игры, стволы, колледжи, столовые, мужики и какать. У них в любой непонятной ситуации один метод” (ЯПлакаль 2018).

Добавим, что одно из направлений формирования конспирологических мнений – поиск бенефициаров, получающих выгоду вследствие произошедшего. В данном случае говорили, например, о Росгвардии, которая возьмет на себя охрану школ, и Министерстве образования, которое, предположительно, будет навязывать в школах психологическое сопровождение.

Отзвуки украинско-российского кризиса

События в Крыму, который в 2014 г. перешел из состава Украины в состав России, являются болезненной темой для обеих стран. Поэтому и там, и там керченская трагедия вызвала волны конспирологических толкований, соответствующих текущей политической конъюнктуре.

В России сразу начали циркулировать мнения, что у преступления есть “украинский след”: “Раковая опухоль не рассосется сама собой. Нельзя давать войти во вкус. Перекрыть все не реально. Безнаказанность порождает повторение. Украина перешла еще одну красную черту. Одесса, Донбасс, Гиви, Моторола, Захарченко, Керчь” (ГА 17.10.2018). В качестве обоснования упоминались угрозы украинских радикалов, стремящихся дестабилизировать обстановку в Крыму. Как уже говорилось выше, “украинский след” искали в версиях о причастности к убийству крымских татар и “Свидетелей Иеговы”.

На Украине событие также вызвало широкую реакцию: в первый же день президентом П.П. Порошенко и рядом ведущих политиков были сделаны заявления, в которых настойчиво подчеркивалось, что Крым является территорией Украины, было заведено уголовное дело, украинская сторона потребовала у российских властей, чтобы ее следователям были обеспечены условия для работы в Керчи.

Лейтмотивом суждений, высказывавшихся и в социальных сетях, и в телепередачах, и в заявлениях политиков, служила формула: “При Украине в Крыму такого не было”. Разрабатывались “оппозиционные” версии (см. выше). Но при этом дополнительно звучали рассуждения о том, что причина насилия – вообще в милитаризации России, в т.ч. Крыма: отмечалось, что свободу действия с оружием обусловливает военно-патриотическая подготовка в российской системе образования; предполагалось, что агрессивность Рослякова была спровоцирована увлеченностью идеями Новороссии. Большой резонанс имела позже не подтвердившаяся информация о том, что Росляков обучался стрельбе на базе “Артека” (в качестве доказательства публиковалась фотография вооруженного артековца, отдаленно похожего на керченского стрелка).

Кто заинтересован

Как уже говорилось выше, разрастание слухов происходит благодаря заинтересованным в этом институциям, группам и частным лицам. Изучение панического распространения информации позволяет выявить три модели, обусловленные активностью на разных иерархических уровнях общества: “низовую”, “заинтересованных групп среднего уровня” и “управляющих элит” (Goode, Ben-Yehuda 2009: 51–72). Рассмотрим, кто именно участвует в панических интерпретациях трагедии в Керчи, особый упор будем делать на процессах, связанных с интернетом как специфической информационной средой.

Вряд ли в данном случае можно говорить о распространении панических интерпретаций “сверху”, со стороны “управляющих элит”. При рассмотрении стихийного информационного резонанса, связанного с событиями в Керчи, указывалось на “неумение власти быстро реагировать в кризисных ситуациях” (Крамарь 2018: 35–36). Однако я бы отметил, что ведущие российские политики и представители силовых ведомств в целом не делали заявлений, содержащих субъективные мнения, стимулирующие моральные паники³.

Сложнее дело обстоит с уровнем, на котором находятся бенефициары, получающие бонусы от интерпретаций трагедии в Керчи, – это профессиональные журналисты и блогеры-любители, чиновники, разнообразные “эксперты”, повышающие свой символический капитал за счет высказываний о произошедшем. Так, ведущие телепрограммы “Пусть говорят”, хотя и выступали за осторожность суждений, но уже в эфире 17–18 октября активно использовали ситуацию для нагнетания антиукраинских настроений (Время покажет 2018а, 2018б, 2018в). Директор Центра изучения социальной безопасности в Институте инновационного развития Е. Чудновец обратилась в Роскомнадзор и к уполномоченному по правам ребенка при президенте РФ с требованием запретить песню известного рэпера Oxxxymiron'a “Последний звонок”,

поскольку именно она, по мнению чиновницы, стимулирует подростков к массовым убийствам (Экспресс-газета 2018).

“Низовая” модель обсуждения темы и продуцирования интерпретаций в интернете характерна для записей и комментариев в социальных сетях, в публикациях блогеров. Последние активно формируют мнения, используя горячие актуальные темы, стремясь к расширению круга читателей и зрителей, это повышает их популярность и заработка. Выше я приводил примеры того, как видеоблогеры в первые дни после трагедии в Керчи “разоблачали” официальную версию произошедшего, формируя конспирологические теории; о влиятельности их мнения говорит, например, то, что один из них, Kamikadzedead, на настоящий момент имеет 1,7 млн подписчиков, а его сюжет, упомянутый выше (Kamikadzedead 2018), набрал более 2,5 млн просмотров. Благодаря возможностям интернета “конкурирующие группы моральных предпринимателей оказались оснащены не только своей публикой и врагами, но и эффективными цифровыми технологиями слежки, огласки и маргинализации” (Ingraham, Reeves 2016).

Из-за специфики коммуникации в интернете формируется квазиэкспертное сообщество пользователей, которые, не имея специальных знаний, легко ищут информацию и заинтересованы в высказывании мнений. Сторонники разных точек зрения активно апеллируют к прецедентам, которые, как они считают, способствуют правильному пониманию ситуации. Приверженцы вдумчивого отношения к информации ссылаются на произошедшие незадолго до этого события в г. Кемерово (смертоносный пожар в торгово-развлекательном центре “Зимняя вишня” породил огромное количество слухов и фейков, в т.ч. запущенных целенаправленно; см. напр.: NEWSru.com 2018). Сторонники оппозиционных конспирологических построений, напротив, апеллируют к активно комментировавшимся (хотя не доказанным) случаям организации терактов и аварий со стороны ФСБ.

Обсуждение произошедшей трагедии в социальных сетях неоднократно активировало специфические процессы, свойственные онлайн-среде: разработку мемов, флешмобы, розыгрыши и проч. Так, выше упоминался резонанс, возникший вокруг Dota 2: некий “эксперт”, приглашенный на радиопередачу и алармистски высказывавшийся о влиянии компьютерных игр на скулшутинг, не только проявил некомпетентность в деталях, но и упорно отстаивал свою точку зрения при обсуждении в “Твиттере”; это стало мемом и породило большое количество шуток, в т.ч. визуальных. Еще один пример – интернет-флешмоб, предполагающий размещение в социальных сетях портретов людей, якобы погибших во время трагедии. Так, в первый же день в ПК1 и ПК2 можно было увидеть фотографии мужчин, которые будто бы пытались остановить Рослякова, но были им убиты; в действительности на снимках запечатлены владелец сайта Двач (<https://2ch.hk>), известный игрок-стример, артист и другие люди. Игра с подстановкой фотографий возникла на Дваче, посетители этого сайта присутствовали тут же и, поддерживая серьезность, комментировали фейковые сообщения как достоверные. Раньше такая же игра проводилась в связи с трагическими событиями в Кемерове (25 марта 2018 г.), Магнитогорске (31 декабря 2018 г.), войнами в Донбассе, в Сирии и другими событиями (Medialeaks 2018). Видимо, розыгрышем является и размещение в Сети фейковых фото молодой женщины – “вооруженной и опасной” подельницы Рослякова, якобы завербовавшей его для совершения преступления (Комсомольская 2018).

Вскоре после массового убийства в Керченском политехническом колледже в интернете сформировалось сообщество поклонников (фэндом) Владислава Рослякова. Интернет-площадки, посвященные ему, закрывались владельцами доменов, но участники фэндома создавали свои клубы по другим адресам; например, на настоящий момент в мессенджере Telegram действует несколько таких групп, хотя активность в них уже невелика. Темы, раскрываемые в таких сообществах, сводятся к следующему.

Уделяется внимание конспирологическим теориям, говорящим о том, что Росляков не совершил самоубийство, а был застрелен некими подельниками или кураторами; убийца в таком случае предстает как жертва. И Росляков, и его преступление эстетизируются (как и сам Росляков, по сути, эстетизировал преступление в “Колумбайне”) и эротизируются – немалую часть фэндомов составляют девушки. Поклонники собирают информацию о Рослякове как человеке, размещают фан-арт (художественное творчество, посвященное ему), оказывают помощь его матери. Исторически известно много случаев романтизации молодых убийц (в т.ч. девушками), среди них Ч. Мэнсон, серийные убийцы Т. Банти, Дж. Холмс, террорист Д. Царнаев и другие; значительное сообщество поклонников возникло вокруг предшественников Рослякова – убийц из “Колумбайна” (Rico 2015). Эстетизация убийц, хоть и может показаться чудовищной, является одной из сторон эмоционального аффекта, сопровождающего моральные паники и распространение слухов. Фэндом Рослякова (как и другие похожие фэндомы, возникающие в интернете) может быть рассмотрен как современное “эмоциональное сообщество” – группа людей, которая “имеет свои особые ценности, особенности чувствования и способы выражения эмоций” (Rosenwein 2016: 3). Одними из факторов, поддерживающих деятельность фэндомов, стали фан-арт (любительское изобразительное творчество) и фанфики (любительская литература), посвященные Рослякову.

* * *

На основании накопленного материала можно сделать следующие обобщения:

1. Многочисленные (не менее 80 сюжетов) панические интерпретации информации о массовом убийстве в Керченском политехническом колледже отражают *фобии*, которые существовали в обществе на тот момент. Большинство сюжетов основано на темах, которые активно обсуждались и осмысливались как угрозы для общества.

Традиционно объектами общественной паники становятся молодые люди и их сообщества. Восемнадцатилетний убийца возродил страхи, связанные с молодежью, ее агрессивностью и увлеченностью виртуальным миром (в т.ч. компьютерными играми); в обсуждении событий большое внимание уделялось критике системы образования. Примером всплеска тревоги касательно уязвимости детей и подростков, может служить активизация слухов, связанных с мощной моральной паникой 2016–2017 гг. после раскручивания информации о “группах смерти”. Напряженность по отношению к государственной власти стимулирует оппозиционные фобии: в качестве виновных в массовом убийстве представляются российские политические элиты, спецслужбы, местные власти; в ходе керченских событий заметно проявилось недоверие к центральному телевидению. Осмысление России как государства, находящегося в агрессивном окружении, привело к поиску внешних и внутренних врагов, посягающих на ее безопасность и политическую стабильность. Украинско-российский политический кризис и спорный статус Крыма вполне ожидаемо привели к появлению многочисленных панических суждений и конспирологических интерпретаций, причем на Украине они продуцировались на высшем государственном уровне. Несомненно, к числу фобий, значимых для возникновения моральных паник, относится страх перед терроризмом (в т.ч. затрагивающим учебные заведения). Страшные инциденты, подобные массовому убийству в Керчи, могут расцениваться как индикатор существования в общественном сознании потенциальных скрытых страхов.

Интерпретации трагических событий с точки зрения имеющихся в обществе фобий – распространенное явление. Так, после массового убийства в школе “Колумбайн” высказывались мнения, что в этом виноваты: компьютерные игры, предполагающие имитацию стрельбы (популярные на тот момент Doom и Quake); фильмы,

повествующие о насилии; творчество определенных музыкантов (в частности, Мэрлина Менсона, KMFDM, Rammstein); увлечение фашизмом и личностью Гитлера; антидепрессанты, дающие побочные эффекты (Columbine n.d.). После “Колумбайна” в США происходило бытовое преследование подростков, которые, по мнению окружающих, вели себя необычно. *New York Times* писала об этом как о “национальной охоте на ведьм”, в ходе которой

детей в основном выбирают, если они носят плащи, если их называют готами, если они в интернете, если они играют в Quake и Doom. Этих детей, которые уже чувствовали себя посторонними, заставляют чувствовать себя также убийцами <...> Учеников исключают из школы или отстраняют от занятий за “антиобщественное” поведение или отправляют домой, чтобы они переодели одежду, похожую на ту, которую носили убийцы; родители ограничивают использование компьютера (*Goldberg* 1999).

Множество интерпретаций породила и серия террористических актов 11 сентября 2001 г., причем “многие комментаторы на американском телевидении предлагали <...> односторонние и манихейские сообщения о причине событий 11 сентября, называя своих излюбленных противников в нынешнем политическом спектре США источником террористических атак” (*Kellner* 2004: 48). Например, представители различных партий использовали случившееся для обвинения своих политических оппонентов, с точки зрения “фундаменталистского христианства” замешанными в теракте оказывались “язычники”, сторонники абортот, феминистки, геи, лесбиянки, либеральные организации (ACLU и др.) (*Kellner* 2004: 48–49). Рассуждения о причинах теракта во многих случаях основывались на исламофобии (*Powell* 2011).

2. Паническое распространение интерпретаций, связанных с трагедией в Керчи, происходит в новых условиях цифрового общества. Это обеспечивает принципиально иную циркуляцию информации; если раньше «моральные предприниматели передавали информацию полиции и государственным чиновникам, от которых она затем передавалась “СМИ” для широкого распространения, [то] сегодня моральные предприниматели могут сами широко распространять панику, отсекая полицию/государство и средства массовой информации от паники» (*Ingraham, Reeves* 2016). В процессы интерпретации включается широкий круг акторов, в т.ч. являющихся бенефициарами этого обсуждения. Среди них журналисты – профессионалы и любители (блогеры), – заинтересованные в резонансе своих публикаций; политики и чиновники, продвигающие выгодные для себя идеи; пользователи интернета, осуществляющие специфическую онлайн-деятельность (флешмобы, розыгрыши, дискуссии в чатах и проч.); экспертное и квазиэкспертное сообщество и др.

При анализе трех из четырех заявленных сообществ (керченских локальных ВК-групп ПК1 и ПК2, дискуссионного форума ГА) видно, что, с одной стороны, панические интерпретации здесь появляются и доводятся до широкой публики, с другой – они гасятся, сталкиваясь с многочисленными комментариями здравомыслящей (и количественно преобладающей) части аудитории, большое значение имеет и редакторская деятельность администраторов ПК1 и ПК2. Что касается форума 9/11, специализирующегося на разработке конспирологических идей, здесь критика панических интерпретаций минимизирована, но и выработки какой-либо единой концепции тоже не наблюдается.

3. Рассмотренный нами случай включает в себя достаточно разные процессы: распространение слухов, формирование конспирологических суждений, раскручивание моральных паник и др. Эти процессы объединены тем, что все они предполагают продуцирование сильных эмоций, основанных на страхе⁴, вследствие чего, как отмечалось в начале статьи, распространение слухов носит в основном панический характер. Конспирологические нарративы “имеют для своих поклонников не абстрактное, а вполне прикладное значение: от них ждут не столько логики, сколько

непосредственных эмоциональных переживаний” (Панченко 2015: 91). Моральные паники также базируются на гипертрофированном восприятии опасности; в случае трагедии в Керчи следует говорить о “кусте” моральных паник, активизировавших частные сюжеты, основанные на частных скрытых общественных фобиях. Надо сказать, что со временем моральные паники, связанные с частными сюжетами, заглохли, оставшись в виде потенциальных, “тлеющих” общественных фобий, а в фокусе осмысления осталась основная тема — угроза школьного вооруженного насилия.

Примечания

¹ Отсутствие каких-либо идеологических заявлений, видимо, и послужило поводом для того, чтобы еще 17 октября преступление Рослякова было переквалифицировано и отнесено к массовым убийствам, а не к терактам; совершение теракта предполагает создание некоего конкретного информационного посыла (Schmid 1983: 70).

² Стоит добавить, что низкий уровень антитатарских настроений участниками ПК1 и ПК2 был выказан и в ноябре 2015 г., когда украинскими и крымско-татарскими радикалами был осуществлен подрыв опор линии электропередач, обесточивший Крым.

³ Вынесем за рамки упоминавшиеся выше заявления украинских политиков, обусловленные “антироссийской” политической конъюнктурой и явно относящиеся к категории субъективных интерпретаций.

⁴ О “культуре страха” в современном мире см.: Glassner 1999.

Источники и материалы

- Большой 2018 — Рэмбо из Керчи Росляков // Большой форум. 01.11.2018. Комментарий. bolshoiforum.com/forum/index.php?page=1303
- Время покажет 2018a — Трагедия в Керчи: версии. Время покажет. Выпуск от 17.10.2018 // Первый канал. <https://www.1tv.ru/shows/vremya-pokazhet/vyuski/tragediya-v-kerchi-versii-vremya-pokazhet-vypusk-ot-17-10-2018>
- Время покажет 2018b — Трагедия в Керчи. Время покажет. Выпуск от 17.10.2018 // Первый канал. <https://www.1tv.ru/shows/vremya-pokazhet/vyuski/tragediya-v-kerchi-vremya-pokazhet-vypusk-ot-17-10-2018>
- Время покажет 2018b — Что произошло в Керчи? Время покажет. Выпуск от 18.10.2018 // Первый канал. <https://www.1tv.ru/shows/vremya-pokazhet/vyuski/chto-proizoshlo-v-kerchi-vremya-pokazhet-vypusk-ot-18-10-2018>
- ГА — “Глобальная авантюра”. <https://glav.su>
- Гордон 2018 — Российские СМИ заявили, что подозреваемый в нападении на политехнический колледж в Керчи якобы “похож на татарина” // Гордон. 17.10.2018. <https://gordonua.com/news/crimea/rossiyskie-smi-zayavili-chto-podozrevaemuy-v-napadenii-na-politehnicheskii-kolledzh-v-kerchi-yakoby-pohozh-na-tatarina-433138.html>
- Интернет и общество 2017 — Интернет и общество. Реальные и социально сконструированные угрозы. “Группы смерти” в социальных сетях как модель резонансной общественной реакции // Платформа. Центр социального проектирования. http://pltf.ru/wp-content/uploads/2017/04/Платформа_Презентация_Интернет_18.04-1.pdf
- Комсомольская 2018 — Разыскивается сообщница керченского стрелка: ФСБ утверждает, что это фейк // Комсомольская правда. 22.11.2018. <https://www.mk.ru/social/2018/11/22/razyskivaetsya-soobshhnica-kerchenskogo-strelka-fsb-utverzhdaet-chto-eto-feyk.html>
- Левада 2017 — У россиян снизился страх перед гибелью в терактах // Левада-центр. 02.10.2017. <https://www.levada.ru/2017/10/02/u-rossiyan-snizilsya-strah-pered-gibelyu-v-teraktah>
- Левада 2018 — События и оценки уходящего года // Левада-центр. 24.12.2018. <https://www.levada.ru/2018/12/24/sobytiya-i-otsenki-uhodyashhego-goda>
- ПК1 — “Подслушано | Керчь”. <https://vk.com/kerchdom>
- ПК2 — “Подслушано | Керчь”. <https://vk.com/overhearkerch>
- Реальное 2018 — Община крымских татар посчитала недостаточным исправление новости о “похожем на татарина” стрелке из Керчи // Реальное время. 18.10.2018. <https://realnoevremya.ru/>

news/117215-obschina-krymskih-tatar-poschitala-nedostatochnym-ispravlenie-novosti-o-pohozhem-na-tatarina-strelke-iz-kerchi

Утро.ру 2018 – В Крыму прогремел взрыв // Утро.ру. 17.10.2018. <https://utro.ru/accidents/2018/10/17/1377485.shtml>

Шарий 2018 – Керчь. Нестыковки с официальной версией // Анатолий Шарий. Youtube.com. 17.10.2018. <https://www.youtube.com/watch?v=gJN1Vvk266gs>

Экспресс-газета 2018 – Известная активистка обвинила Охххумирон в трагедии Керчи // Экспресс-газета. 22.10.2018. <https://www.eg.ru/society/648394-izvestnaya-aktivistka-obvinila-klip-oxhkhumiron-v-tragedii-kerchi>

ЯПлакаль 2018 – 21 человек погибли и 50 пострадали в результате взрыва в колледже в Крыму (ветка форума) // ЯПлакаль. Зап. 18.10.2018. <https://www.yaplakal.com/forum1/st/3625/top-ic1856443.html>

9/11 – “9/11ТМ. Движение за истину”. <http://911tm.9bb.ru/viewtopic.php?id=1673>

Columbine n.d. – Columbine High School massacre // Wikipedia. https://en.wikipedia.org/wiki/Columbine_High_School_massacre

Gallup 2019 – Parents’ Concern About School Safety Remains Elevated // Gallup. 27.08.2019. <https://news.gallup.com/poll/265868/parents-concern-school-safety-remains-elevated.aspx>

Goldberg 1999 – *Goldberg C.* Terror in Littleton: The Shunned; For Those Who Dress Differently, an Increase in Being Viewed as Abnormal // The New York Times. May 1, 1999.

ICTV 2018 – Керчь | Стрелок Росляков – это проект Кремля | Видео с камер | СМИ скрывают всю правду // Телеканал ICTV. Youtube.com. 24.10.2018. <https://www.youtube.com/watch?v=24zuEoFJ38k>

Kamikadzedead 2018 – Разбор видео из колледжа в Керчи // Kamikadzedead. Youtube.com. 21.10.2018. <https://www.youtube.com/watch?v=VhGVXS-tgHc> (дата обращения: 15.11.2019).

Крарка 2018 – Керченская “Колумбина” или спецоперация ФСБ? // Крарка club. 17.10.2018. <https://krarka.club/kerchenskaya-kolumbina-ili-spetsoperatsiya-fsb/#.W9HQ2vkzb3g>

Magashow 2018 – Крым Керчь. Колледж сегодня. Корабли в Крыму // Magashow. Youtube.com. 28.11.2018. https://www.youtube.com/watch?time_continue=408&v=qEYxIG4Trw

Medialeaks 2018 – Как владелец “Двача” Нариман Намазов стал самым популярным фейком о “героях” на пожаре в Кемерове // Medialeaks. 02.04.2018. <https://medialeaks.ru/0204dalex-abu-heroe>

Memepedia 2018 – Дока 2 // Memepedia. 21.10.2018. <https://memepedia.ru/doka-2>

NEWSru.com 2018 – Власти Кузбасса призвали наказать распространителей слухов о сотнях погибших на пожаре в “Зимней вишне” // NEWSru.com. 27.03.2018. <https://www.newsru.com/russia/27mar2018/4ernovnakazat.html>

Научная литература

Горбатов Д.С. Психология трансформации слухов: микрогрупповой подход. М.: Социум, 2011.

Горбатов Д.С., Большаков С.Н. Слухи в зарубежной социологии и социальной психологии: теоретические подходы // Социологические исследования. 2015. № 7. С. 98–107.

Крамарь К.А. Информационно-психологические аспекты трагедии в г. Керчь // Стратегические коммуникации в бизнесе и политике: материалы международной научной конференции (22–23 ноября 2018 г.) / Отв. ред.-сост. Д.П. Гавра. СПб.: СПбГУ, 2018. С. 30–38.

Осетрова Е.В. Возникновение, обращение и факторы развития слухов // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2011а. № 1. С. 170–176.

Осетрова Е.В. Слухи в современной социокультурной среде: историографический обзор // Антропологический форум Online. 2011б. Вып. 15. С. 55–82.

Панченко А.А. Страх в большом городе // Отечественные записки. 2014. № 3. <http://www.strana-oz.ru/2014/3/strah-v-bolshom-gorode>

Панченко А.А. Антропология и конспирология // Антропологический форум. Вып. 27. 2015. С. 89–94.

Allport G.W., Postman L. An Analysis of Rumor // Public Opinion Quarterly. 1947. Vol. 10. P. 501–517.

Anderson G.A. An Update on the Effects of Playing Violent Video Games // Journal of Adolescence. 2004. Vol. 27 (1). P. 113–122.

Bordia P., Di Fonzo N. Problem Solving in Social Interactions on the Internet: Rumor as Social Cognition // Social Psychology Quarterly. 2004. Vol. 67. No. 1. P. 33–49.

- Capellan J.A., Johnson J., Porter J.R., Martin C. Disaggregating Mass Public Shootings: A Comparative Analysis of Disgruntled Employee, School, Ideologically Motivated, and Rampage Shooters // *Journal of Forensic Sciences*. 2019. Vol. 64. No. 3. P. 814–823.
- Glassner B. *The Culture of Fear: Why Americans Are Afraid of the Wrong Things*. N.Y.: Basic Books, 1999.
- Goode E., Ben-Yehuda N. *Moral Panics: The Social Construction of Deviance*. Oxford: Wiley-Blackwell, 2009.
- Ingraham Ch., Reeves J. New Media, New Panics // *Critical Studies in Media Communication*. 2016. Vol. 33 (5). P. 455–467.
- Kellner D. 9/11, Spectacles of Terror, and Media Manipulation: A Critique of Jihadist and Bush Media Politics // *Critical Discourse Studies*. 2004. Vol. 1 (1). P. 41–64.
- Knapp R.H. A Psychology of Rumor // *Public Opinion Quarterly*. 1944. Vol. 8. P. 22–27.
- Luna S. Affective Atmospheres of Terror on the Mexico–U.S. Border: Rumors of Violence in Reynosa's Prostitution Zone // *Cultural Anthropology*. 2018. Vol. 33 (1). P. 58–84.
- Rico A.R. Fans of Columbine Shooters Eric Harris and Dylan Klebold // *Transformative Works and Cultures*. 2015. Vol. 20. <https://journal.transformativeworks.org/index.php/twc/article/view/671/545>.
- Rosenwein B.H. *Generations of Feeling: A History of Emotions, 600–1700*. Cambridge: Cambridge University Press, 2016.
- Rosnow R.L., Esposito J.L., Gibney L. Factors Influencing Rumor Spreading: Replication and Extension // *Language and Communication*. 1988. Vol. 8. No. 1. P. 29–42.
- Powell K.A. Framing Islam: An Analysis of U.S. Media Coverage of Terrorism Since 9/11 // *Communication Studies*. 2011. Vol. 62. No. 1: Discourse of the Middle East: Communication, Culture, Media. P. 90–112.
- Schmid A.P. *Political Terrorism: A Research Guide to Concepts, Theories, Data Bases and Literature*. New Brunswick: Transaction, 1983.
- Scott J.C. *Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts*. Yale: Yale University Press, 1990.

Research Article

Gromov, D.V. Who's Afraid of "Kerch Shooter"? Activation of Social Phobias through Rumors and Quasi-Expert Statements [Kto boitsia "kerchenskogo strelka"? Aktivizatsiia sotsial'nykh fobii cherez slukhi i kvaziekspertnye vyskazyvaniia]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2020, no. 3, pp. 38–53. <https://doi.org/10.31857/S086954150010047-1> ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Dmitry Gromov | <https://orcid.org/0000-0002-0443-8718> | gromovdv@mail.ru | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32a Leninsky prospekt, Moscow, 119991, Russia)

Keywords

school shooting, terrorism, fear, rumor, conspiracy theology, moral panic

Abstract

On October 17, 2018, a massacre occurred at the Kerch Polytechnic College. The article discusses the information resonance caused by this crime. Panic interpretations of crime information (over 80 stories) reflect the social phobias that existed at that time. An example of the tragedy in Kerch shows that the moral panic in a digital society is developing according to new rules. A wide range of actors are involved in interpretation processes, including beneficiaries of this discussion. Among them are journalists (professionals and amateurs) who are interested in making their publications resonate, politicians and officials promoting ideas that are profitable for themselves, Internet users who carry out specific online activities (flash mobs, sweepstakes, chat discussions, etc.), expert and quasi-expert communities, etc.

Funding Information

This research was supported by the following institutions and grants:

Russian Foundation for Basic Research, <https://doi.org/10.13039/501100002261> [17-01-00362-ОГН-А]

References:

- Allport, G.W., and L. Postman. 1947. An Analysis of Rumor. *Public Opinion Quarterly* 10: 501–517.
- Anderson, G.A. 2004. An Update on the Effects of Playing Violent Video Games. *Journal of Adolescence* 27: 113–122.
- Bordia, P., and N. Di Fonzo. 2004. Problem Solving in Social Interactions on the Internet: Rumor as Social Cognition. *Social Psychology Quarterly* 67 (1): 33–49.
- Capellan, J.A., J. Johnson, J.R. Porter, and C. Martin. 2019. Disaggregating Mass Public Shootings: A Comparative Analysis of Disgruntled Employee, School, Ideologically Motivated, and Rampage Shooters. *Journal of Forensic Sciences* 64 (3): 814–823.
- Glassner, B. 1999. *The Culture of Fear: Why Americans Are Afraid of the Wrong Things*. New York: Basic Books.
- Goode, E., and N. Ben-Yehuda. 2009. *Moral Panics: The Social Construction of Deviance*. Oxford: Wiley-Blackwell, 2009.
- Gorbatov, D.S. 2011. *Psikhologiya transformatsii slukhov: mikrogruppovoi podkhod* [The Psychology of Rumor Transformation: A Microgroup Approach]. Moscow: Sotsium.
- Gorbatov, D.S., and S.N. Bolshakov. 2015. Slukhi v zarubezhnoi sotsiologii i sotsial'noi psikhologii: teoreticheskie podkhody [Rumors in Foreign Sociology and Social Psychology: Theoretical Approaches]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* 7: 98–107.
- Ingraham, Ch., and J. Reeves. 2016. New Media, New Panics. *Critical Studies in Media Communication* 33 (5): 455–467.
- Kellner, D. 2004. 9/11, Spectacles of Terror, and Media Manipulation: A Critique of Jihadist and Bush Media Politics. *Critical Discourse Studies* 1 (1): 41–64.
- Knapp, R.H. 1944. A Psychology of Rumor. *Public Opinion Quarterly* 8: 22–27.
- Kramar, K.A. 2018. Informatsionno-psikhologicheskie aspekty tragedii v g. Kerch. [Information and Psychological Aspects of the Tragedy in Kerch]. In *Strategicheskie kommunikatsii v biznese i politike: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (22–23 noiabria 2018 g.)*, edited by D.P. Gavra, 30–38. St. Petersburg: SPbGU.
- Luna, S. 2018. Affective Atmospheres of Terror on the Mexico–U.S. Border: Rumors of Violence in Reynosa's Prostitution Zone. *Cultural Anthropology* 33 (1): 58–84.
- Osetrova, E.V. 2011. Slukhi v sovremennoi sotsiokul'turnoi srede: istoriograficheskii obzor [Rumors in the Modern Socio-Cultural Environment: A Historiographical Review]. *Antropologicheskii forum Online* 15: 55–82.
- Osetrova, E.V. 2011. Vozniknovenie, obrashchenie i faktory razvitiia slukhov [The Origin, Circulation and Development Factors of Rumors]. *Vestnik Krasnoarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astafeva* 1: 170–176.
- Panchenko, A.A. 2014. Strakh v bol'shom gorode. [Fear in the Big City]. *Otechestvennye zapiski* 3. <http://www.strana-oz.ru/2014/3/strah-v-bolshom-gorode>
- Panchenko, A.A. 2015. Antropologiya i konspirologiya [Rumors in the Modern Socio-Cultural Environment: A Historiographical Review]. *Antropologicheskii forum* 27: 89–94.
- Powell, K.A. 2011. Framing Islam: An Analysis of U.S. Media Coverage of Terrorism Since 9/11. *Communication Studies* 62 (1): 90–112.
- Rico, A.R. 2015. Fans of Columbine Shooters Eric Harris and Dylan Klebold. *Transformative Works and Cultures* 20. <https://journal.transformativeworks.org/index.php/twc/article/view/671/545>
- Rosenwein, B.H. 2016. *Generations of Feeling: A History of Emotions, 600–1700*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Rosnow, R.L., J.L. Esposito, and L. Gibney. 1988. Factors Influencing Rumor Spreading: Replication and Extension. *Language and Communication* 8. 1: 29–42.
- Schmid, A.P. 1983. *Political Terrorism: A Research Guide to Concepts, Theories, Data Bases and Literature*. New Brunswick: Transaction.
- Scott, J.C. 1990. *Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts*. Yale: Yale University Press.